

М.В. Павлова

ТРИ «ЛЕСНЫХ ЦАРЯ»

Статья посвящена компаративному анализу переводов баллады «Лесной царь» Гете («Erlkönig») в исполнении В. Скотта (1797) и В.А. Жуковского (1818). Приводятся доказательства того, что при создании перевода «Лесного царя» В.А. Жуковский мог ориентироваться на более ранний перевод В. Скотта. В обоих вариантах перевода прослеживаются сходные переводческие решения и трансформации, а также наблюдается ориентация на авторско-литературную форму балладного жанра, тогда как оригинал выполнен в фольклорном ключе.

Ключевые слова: В. Скотт, В.А. Жуковский, баллада, компаративный анализ, перевод

Читатели и исследователи русской литературы хорошо знакомы с переводом баллады Гете «Erlkönig» в исполнении В.А. Жуковского («Лесной царь»). Он оказался очень удачным и стал не менее популярным в России, чем его немецкий оригинал. Однако ни в одном из исследований, посвященных балладному творчеству Жуковского, не указывается на то, что перевод «Лесного царя», скорее всего, состоялся при участии английского варианта известной баллады, выполненного В. Скоттом. Несмотря на то что намеренное обращение В.А. Жуковского к вальтер-скоттовскому переводу в контексте перевода баллады Гете документально нигде не зафиксировано, в данной статье мы постараемся привести доказательства в пользу данной гипотезы.

Баллада В. Скотта «The Erl-King» была написана в 1797 г., т.е. через 15 лет после написания оригинала (1782) и почти за 20 лет до перевода В.А. Жуковского (1818). Таким образом, можно предположить, что В.А. Жуковский, прекрасно знакомый с балладным творчеством В. Скотта, не должен был обойти своим вниманием английский вариант перевода «Лесного царя». Это также доказывают некоторые дневниковые записи и пометы В.А. Жуковского в книгах его

личной библиотеки. Так, А.С. Янушкевич в монографии «В мире В.А. Жуковского» приводит список литературных источников для балладного творчества, составленный русским поэтом, и датирует его 1810 г.: «...к 1810 г. относится чтение Жуковским сочинения известного немецкого ориенталиста, профессора восточных языков в Йене и Гёттингене И.-Г. Эйхгорна “Всеобщая история культуры и литературы новой Европы”» [1. С. 91]. В первом томе имеются не только многочисленные пометы, связанные с историей рыцарства, рыцарской поэзии и английской баллады, но и записи, свидетельствующие о целенаправленном внимании Жуковского-читателя к эстетике балладного жанра. Так, на обороте нижнего форзаца Жуковский составляет список источников для переводного творчества:

*Для баллад
Persi reliques*

Немецкие баллады

Шиллер

Бюргер

Пфеффель

Гольдсмит

Walter Scott [1. С. 91]

О вальтер-скоттовском переводе баллады «Erlkönig» в контексте изучения балладного творчества В.А. Жуковского впервые упоминает Е.Г. Эткинд в работе «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина». Исследователь приводит в пример балладу «The Erl-King» как доказательство отличия поэтики баллад Жуковского и Скотта.

Если сравнивать переводы баллады Гете по степени близости к оригиналу, то «Лесной царь» В.А. Жуковского оказывается значительно дальше от него, чем «The Erl-King» В. Скотта. В.А. Жуковский, несмотря на то что достаточно верно передает содержание гетевской баллады, практически полностью отказывается от фольклорной стилистики оригинала и традиционно организует свой текст по принципам литературной баллады, к тому времени уже разработанным в его творчестве. Еще М. Цветаева в известной статье «Два “Лесных царя”» отмечает, что, исходя из фольклорно-мифологической подосновы баллады Гете, Лесной царь оказывается вполне реальным. Совсем иначе обстоит дело у В.А. Жуковского.

У Жуковского ребенок погибает от страха.

У Гёте от Лесного Царя.

У Жуковского – просто. Ребенок испугался, отец не сумел успокоить, ребенку показалось, что его схватили (может быть, ветка хлестнула), и из-за всего этого показавшегося ребенок достоверно умер <...>

Лесной Царь Жуковского (сам Жуковский) бесконечно добрее: к ребенку добрее – ребенку у него не больно, а только душно, к отцу добрее – горестная, но все же естественная смерть, к нам добрее – ненарушенный порядок вещей. Ибо допустить хотя бы на секунду, что Лесной Царь есть, – сместить нас со всех наших мест. <...> Страшная сказка на ночь. Страшная, но сказка. Страшная сказка нестрашного дедушки. После страшной сказки все-таки можно спать.

Странная сказка совсем не дедушки. После страшной гётевской не-сказки жить нельзя – так, как жили (в тот лес! Домой!) [2. С. 286].

Изменение смысла в переводе Жуковского достигается путем трансформации оригинальных диалогов, на что также указывается в статье:

...у Жуковского – пересказ видения, у Гёте – оно само: «Родимый, Лесной Царь созвал дочерей! Мне, вижу, кивают из темных ветвей...» (Хотя бы «видишь?») – и: «Отец, отец, неужто ты не видишь – там, в этой страшной тьме, Лесного Царя дочерей?» Интонация, в которой мы узнаем собственное нетерпение, когда мы видим, а другой – не видит. И такие разные, такие соответственные вопросам ответы: олимпийский – Жуковского: «О нет, все спокойно в ночной глубине. То ветлы седые стоят в стороне», – ответ даже ивовых взмахов, то есть иллюзии видимости не дающий! И потрясенный, сердцеебиенный ответ Гёте: «Мой сын, мой сын, я в точности вижу...» – ответ человека, умоляющего, заклинающего другого поверить, чтобы поверить самому, этой точностью видимых ив еще более убеждающего нас в обратном видении [2. С. 289].

В переводе В. Скотта сохраняется эта оригинальная интонация, с которой отец отвечает испуганному ребенку: «Oh yes, my loved treasure, I knew it full soon» (*О да, мое любимое сокровище, я сразу точно понял*). Иррациональное в балладе В. Скотта кажется таким же реальным, как и в гетевском тексте. На данном этапе литературного творчества В. Скотта в большей степени интересует фантастическое начало. Неслучайно в письме к мисс Кристиан Рутерфорд (октябрь 1797 г.) В. Скотт называет балладу «историей о гоблине» («a goblin story») и дает особые указания к ее прочтению: «To be read

by a candle <...>» [3] (*Читать при свече*). Изменение отношения к чудесным и страшным явлениям на более ироническое в творчестве В. Скотта произойдет позже (см., например, поэму «Мармион»). Изменение отношения к фантастике проявляется и в балладном творчестве В.А. Жуковского. Второй период его балладного творчества характеризуется заметным уменьшением доли фантастического в повествовании, что можно наблюдать в балладе «Лесной царь».

Как видно, здесь русский поэт следует в своей эволюции за В. Скоттом, учитывая не только его ранние опыты в балладном жанре, но и более поздние лиро-эпические сочинения, отсюда и различия английской и русской интерпретаций гетевского текста.

Близость переводческих стратегий В.А. Жуковского и В. Скотта можно наблюдать и на стилистическом уровне. В период написания «Лесного царя» В. Скотт ориентирован преимущественно на литературную форму баллады и, несмотря на относительную близость к оригиналу, производит трансформацию подлинника, результатом которой становится заметная стилизация поэтической семантики и формы баллады в сентиментальном ключе, что наблюдалось и в его переводе баллады «Ленора» Бюргера. В. Скотт меняет оригинальный гетевский паузник на амфибрахий, что делает звучание перевода более плавным и напевным. Довольно сдержанные образы Гете в вальтер-скоттовском варианте представлены в духе чувствительного романтизма. Это достигается присовокуплением оригинальных эпитетов, отсутствующих в оригинале: «fond father» (любящий отец) вместо просто «Vater» (отец); “my boy” (мой мальчик), «my heart's darling» (мой сердечный), «my child» (мой ребенок), «my loved treasure» (мое любимое сокровище) вместо сдержанного гетевского «mein Sohn» (мой сын), «mein Kind» (мой ребенок).

Характерным вальтер-скоттовским приемом, также проявившемся уже в его переводе «Леноры», является отказ от «пестроты» оригинальной образной системы, что заметно усиливает сентиментальное звучание перевода. Так, в переводе гетевской баллады у В. Скотта фигурирует только одна дочь Лесного царя вместо оригинального «Töchter» (дочери). По мнению Е.Г. Эткинда, такая трансформация придает Лесному царю «большую человеческую конкретность» [4. С. 110].

Подобное обращение с оригинальным текстом можно наблюдать и у В.А. Жуковского: та же смена оригинального паузника на амфибрахий, та же трансформация лексической и образной системы.

Уже при просмотре первой строфы немецкого, английского и русского текстов баллады создается впечатление, что в переводе В.А. Жуковского не обошлось без влияния вальтер-скоттовского текста.

Гете	В. Скотт	В.А. Жуковский
Wer reitet so spät durch Nacht und Wind? Es ist der Vater mit sei- nem Kind. Er hat den Knaben wohl in dem Arm, Er faßt ihn sicher, er hält ihn warm [5. S. 154].	O, who rides by night thro' the woodland so wild? It is the fond Father embracing his child; And close the Boy nestles with- in his lov'd arm, To hold himself fast, and to keep himself warm [6. С. 86].	Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь издрогнув, малютка приник ; Обняв, его держит и греет старик [7. С. 137]
<i>Кто едет так быстро сквозь ночь и ветер? Это отец со своим ребенком. У него в объятиях мальчик, Он обхватил его надежно, он согревает его.</i>	<i>О! Кто скачет ночью через лес так дико? Это любящий отец, обнимающий своего ребенка. И ближе прижимается мальчик в любящих объятиях, Чтобы держаться крепче, и чтобы было теплее.</i>	

Там, где у Гете относительно сдержанное перечисление событий, В. Скотт и В.А. Жуковский добавляют чувственности.

Во второй строфе обоих вариантов баллады происходит похожая трансформация оригинального текста, в результате которой изменяется характеристика Лесного царя. У Гете Лесной царь предстает в короне и с хвостом («mit Kron' und Schweif»). В. Скотт, следуя сентиментальной тональности своего произведения, заглушающей фольклорно-языческое звучание подлинника, меняет оригинальное «Schweif» (хвост) на «shroud» (саван, пелена, покров). Подобная переводческая замена может быть объяснена желанием сохранить оригинальную звуковую форму лексемы «Schweif». Это заставило В. Скотта отказаться от гетевского образа, который в английском варианте трансформировался бы в фонетически более нейтральное «tale». Вальтер-скоттовская замена кажется тем более удачной, что

образ «савана» хорошо гармонирует с последующей репликой отца, который, желая успокоить ребенка, объясняет его видение «темной пеленой облака» («a dark wreath of the cloud»), что кажется убедительнее гетевского сравнения «хвоста» Лесного царя с «полосой тумана» («Nebelstreif»). В.А. Жуковский подобно В. Скотту заменяет хвост «густой бородой», что, во-первых, заметно облагораживает гетевского персонажа и, во-вторых, точно так же, как и в английском тексте, более соответствует последующему сравнению с «туманом над водой».

В третьей и четвертой строфах баллады, претерпевших наиболее значительные трансформации в русском переводе, В.А. Жуковский оказывается весьма далек как от гетевского оригинала, так и от перевода В. Скотта, который постарался сохранить оригинальную гетевскую образность.

<i>Geme</i>	<i>В. Скотт</i>	<i>В.А. Жуковский</i>
«Du liebes Kind, komm geh' mit mir! Gar schöne Spiele, spiel ich mit dir, Manch bunte Blumen sind an dem Strand, Meine Mutter hat manch gülden Gewand».	«O come and go with me, thou loveliest child; By many a gay sport shall thy time be beguiled; My mother keeps for thee many a fair toy, And many a fine flower shall she pluck for my boy».	«Дитя, оглянися; младе- нец, ко мне; Веселого много в моей стороне; Цветы бирюзовы, жем- чужны струи ; Из золота слиты чертоги мои».

«Mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht, Was Erlenkönig mir leise verspricht?» «Sei ruhig, bleibe ruhig, mein Kind, In dürren Blättern säuselt der Wind» [5. S. 154–155].	«O father, my father, and did you not hear The Erl-King whisper so low in my ear?» «Be still, my heart's darling--my child, be at ease; It was but the wild blast as it sung thro' the trees» [6. C. 86–87].	«Родимый, лесной царь со мной говорит: Он золото, перлы и ра- дость сулит». «О нет, мой младенец, ослышался ты: То ветер, проснувшись, колыхнул листы» [7. С. 137].
---	--	---

«Любимое дитя, идем со мной! В чудесную игру сыграю я с тобой, На берегу много ярких цветов, У моей матери есть	«О, пойдем со мной, прекрас- ное дитя. Ты будешь коротать свое вре- мя множеством веселых игр. У моей матери много краси- вых игрушек для тебя, И много прекрасных цветов
--	--

много золотых платьев».	соберет она для моего маль- чика.
«Мой отец, мой отец, разве ты не слышишь?»	«О отец, мой отец, ты не слышал,
Что Лесной царь тихо мне обещал?»	Лесной царь шепчет так низ- ко на ухо?»
«Будь спокойным, оставайся спокойным, мое дитя,	«Будь спокоен, мой сердеч- ный, мое дитя, успокойся.
В сухой листве шеле- стит ветер».	Это был порыв ветра, что поет средь деревьев».

У Гете и В. Скотта отец говорит о своей матери, к которой, по всей видимости, направляются путники. Жуковский решает не использовать второстепенный образ, очевидно, желая сосредоточить внимание на основных персонажах. Также, следуя уже привычной тактике перевода, он использует характерные авторские образы, отсутствующие в оригинале: «цветы бирюзовы, жемчужны струи»; «золото, перлы и радость сулит».

Пятая строфа перевода В.А. Жуковского тяготеет к оригинальному варианту баллады, однако и здесь можно усмотреть влияние английской сентиментальной традиции. Русский переводчик вводит характерный для сентиментального пейзажа и традиционный для своего творчества образ месяца: «При месяце будут играть и летать». Этого образа нет в оригинале, однако он обнаруживается в шестой строфе вальтер-скоттовского текста: «the grey willow that danced to the moon» (*серая ива, что пляшет при луне*).

Предпоследняя строфа баллады Гете охарактеризована М. Цветаевой как «взрыв, открытые карты, сорванная маска, угрозы, ультиматум»: «Ich lieb dich, mich reizt deine schöne Gestalt, // Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt!» (*Я люблю тебя! Меня прельстила твоя красота! И если ты не согласен – я возьму силой!*). В переводе В.А. Жуковского видим гораздо менее сильное, «пассивное» (М. Цветаева): «Дитя! Я пленился твоей красотой! // Неволей иль волей, а будешь ты мой». У В. Скотта: «Or else, silly child, I will drag thee away» (*А иначе, глупый ребенок, я утащу тебя*). Смена милости на гнев в интонации Лесного царя строится В. Скоттом на контрасте обращений к ребенку «loveliest child» (прекраснейшее дитя), «loveliest boy» (прекраснейший мальчик), «my

child» (мой ребенок) и уничижительное «silly child» (глупый ребенок) в пятой строфе. Угроза Лесного царя в интерпретации В. Скотта хотя и близка к оригиналу, однако кажется более облегченной и сглаживающей резкость сюжетного поворота баллады Гете.

Максимально близка к оригиналу последняя, восьмая, строфа баллады в исполнении В. Скотта. Переводчик не только оставляет практически без изменений образное наполнение строфы, но и сохраняет оригинальный синтаксический строй (ср., например, четвертый стих: Гете – «*Ereicht den Hof mit Mühe und Not*» (Достигает двора *с трудом, через силу*); В. Скотт – «*He reaches his dwelling in doubt and in dread*» (Достигает своего жилища *в сомнении и страхе*). Этот оборот опущен в переводе В.А. Жуковского так же, как и упоминание «двора», куда приезжает всадник со своим ребенком. Такое переводческое решение хотя и отдаляет перевод от текста оригинала, может показаться оправданным, так как Гете не открывает читателю, куда приехал ездок. В. Скотт конкретизирует ситуацию: «his dwelling». То же, кстати, делает и А.А. Фет в более позднем и более буквальном переводе «Лесного царя»: «Насилу достиг он двора *своего*...». В переводе В.А. Жуковского – более неопределенное: «ездок доскакал».

Как видно, вальтер-скоттовский перевод баллады «Лесной царь» занимает «промежуточное» положение между гетевским текстом, приближенным к фольклорным балладным образцам, и «подчеркнуто литературным вариантом» В.А. Жуковского. Если учитывать неоспоримый факт ориентации В.А. Жуковского на балладное творчество В. Скотта, можно говорить о том, что ранние опыты В. Скотта задают вектор переводному творчеству В.А. Жуковского и выступают в роли переходной ступени на пути становления и развития его как поэта и переводчика. Интересно, что В. Скотт впоследствии вернется к народным вариантам разработки балладного жанра, В.А. Жуковский же останется верен выбранному ранее курсу, создав, таким образом, свою собственную философию жанра.

Литература

1. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
2. Цветаева М.И. Два Лесных Царя // Мастерство перевода. М. : Советский писатель, 1964. С. 286–289.

3. Lockhart J.G. Memoirs of the life of Sir Walter Scott. URL: <http://www.gutenberg.org/files/24497/24497-h/24497-h.htm>

4. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л. : Наука, 1973. 248 с.

5. Göthe J.W. Erlkönig // Göthe J.W. Gedichte. Hamburg, 1974. S. 154–155.

6. Scott W. The poetical works of Sir Walter Scott. Boston: Little, Brown and Company, 1857. Vol. 7.

7. Жуковский В.А. Баллады. М. : Советская Россия, 1981. 157 с.

Three “Erl-Kings”

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 29–38. DOI: 10.17223/24099554/16/2

Maria V. Pavlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubenkomaria@yandex.ru

Keywords: W. Scott, V. Zhukovsky, ballad, comparative analyses, translation.

The scholars of Russian literature are very well aware of V. Zhukovsky's translation of Goethe's “Erlkonig” (1782), published as “Lesnoy tsar' ” (1818). However, none of the studies of Zhukovsky's literary works mentions that Zhukovsky presumably used the English variant of the ballad by W. Scott for his translation of “Lesnoy tsar' ”. W. Scott's “The Erl-King” (1797) was written fifteen years after the original and almost twenty years before Zhukovsky's translation. Thus, it can be assumed that V. Zhukovsky, who was acquainted with W. Scott's, couldn't ignore the English translation of “Erlkonig”. If we compare V. Zhukovsky's and W. Scott's translations in terms of their closeness to the original, we can see that the former is significantly far from the original than the latter. Zhukovsky is faithful to the original in terms of the content, but he completely abandons the folklore stylistics of the original and traditionally organizes his text according to the ballad principles, which have already been developed in his original works. However, in his evolution, V. Zhukovsky follows W. Scott and draws on not only W. Scott's early ballads but also his later narrative poems. By the moment when V. Zhukovsky starts translating Goethe's ballad, he must have been acquainted with W. Scott's narrative poems and other poetical pieces, which results in a difference between the original, English, and Russian translations. The closeness of Zhukovsky's and Scott's translation strategies can be seen not only on the level of content but also on the stylistic level. When creating “The Erl-King”, W. Scott focuses on the literary form of the ballad: even though his translation is quite close to the original, he transforms the poetical semantics and ballad form in the vein of sentimentalism, which can be also seen in his translation of Burger's “Lenore”. The comparative analyses of the original and two translations by Zhukovsky and Scott allows making a conclusion that W. Scott's translation of “Erlkonig” can be “interposed” between Goethe's text, which is close to folklore ballad traditions, and Zhukovsky's literary variant. If we take into account the undeniable fact that V. Zhukovsky looked to W. Scott's ballads, we can say that early

W. Scott's literary pieces vector Zhukovsky's translational creative works and play the role of a transition stage for Zhukovsky's development as a poet and translator. It should be noted then, that later W. Scott returns to folklore variants of the ballad, while Zhukovsky remains faithful to the previously developed course to create his own philosophy of the genre.

References

1. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In Zhukovsky's World]. Moscow: Nauka.
2. Tsvetaeva, M.I. (1964) Dva Lesnykh Tsarya [Two Erl-Kings]. In: Chukovsky, K.I. (ed.) *Masterstvo perevoda* [The Mastery of Translation]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 286–289.
3. Lockhart, J.G. (n.d.) *Memoirs of the life of Sir Walter Scott*. [Online] Available form: <http://www.gutenberg.org/files/24497/24497-h/24497-h.htm>
4. Etkind, E.G. (1973) *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad: Nauka.
5. Goethe, J.W. (1974) *Gedichte*. Hamburg: [s.n.]. pp. 154–155.
6. Scott, W. (1857) *The poetical works of Sir Walter Scott*. Boston: Little, Brown and Company. Vol. 7.
7. Zhukovsky, V.A. (1981) *Ballady* [Ballads]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.